

"ЗАБЫТЫЙ" ПРОЗАИК Б.Д. ЧЕТВЕРИКОВ (о книге "Стежки-дорожки")*

Б.Д. Четвериков (1896-1981) - одна из ярких личностей того поколения, что родилось в конце XIX века и было почти полностью уничтожено разразившимися в XX столетии социальными катастрофами – войнами, революциями, репрессиями. "Я – просто так, совершенно случайно уцелевшая щепка, соринка из многолюдного, щедрого, могучего, как кедр, поколения, в силу разных исторических причин истребленного до основания, до последнего человека", – писал он о себе [1]. Наверное, потому талантливый и признанный писатель, находясь уже в преклонном возрасте и будучи больным, взял на себя обязанность рассказать об увиденном и пережитом.

Над своими воспоминаниями "Стежки-дорожки" Б.Д. Четвериков работал последние пятнадцать лет жизни. Им было задумано шесть книг, но свой замысел автор не успел реализовать до конца: полностью были написаны только две первые книги - "Археологические раскопки" и "Скитания" (I том). Книга третья "Девятый вал" и четвертая "Эти двадцатые годы" не были закончены, и совсем не была написана книга "Священная война", так как автор прежде торопился рассказать о своей тюремно-лагерной эпопее ("Всего бывало на веку"). Этим объясняется и оправдывается шероховатость стиля во II томе воспоминаний. Тем не менее "Стежки-дорожки" Четверикова имеют большую историческую и художественную ценность. В частной судьбе писателя, которому выпало пережить революцию 1917 года, Гражданскую войну в Сибири, вынести блокаду Ленинграда, испытать одиннадцать лет тюрем и лагерей, отразился трагический XX век.

Многие важные события жизни писателя стали материалом его повестей и романов: "Малиновые дни" (1927), "Синяя говядина" (1927), "Заиграй овражки" (1928), "Любань" (1928), "Бунт инженера Каринского" (1928), "Котовский" (1957) и др. И все же Б. Четвериков придавал огромное значение работе над своим многотомным трудом. Он признавался: "Наступает время, когда у человека уже нет ничего, о чем он хотел бы скромно умолчать или чего-то недосказать. В этом возрасте человек стоит как бы надо всем. Не судит, но и не подслащивает. Снисходительно по-смеивается, глядя на человеческие хлопоты, вспоминает о прожитом и удивляется: неужели так оно и было? И ничего? Все перенес? И живехонек? Тогда приходит желание рассказать о себе все без утайки, поделиться мыслями, самому что-то уяснить в ходе рассказа...". Так родился замысел этой своеобразной исповеди сына своего века.

Как справедливо утверждает автор, "ЧЬЯ БЫ ТО НИ БЫЛО жизнь интересна", в любом жизнеописании отражается время и эпоха. Поэтому, рассказывая о себе, членах семьи и современниках, он вместе с тем рисует и портрет России.

Привлекательным в воспоминаниях писателя является воспроизведение быта, истории и культуры русской провинции XIX века. Читатель становится свидетелем того, как проходила знаменитая Ирбитская ярмарка, как пекли куличи, участвует в открытии рыбного сезона в Уральске; вместе с автором прогуливается по магазинам губернского города, попадает на спектакль в городском театре, посещает Общественное Собрание. В мемуарах воссоздается атмосфера духовного и интеллектуального общения в среде купечества, дворянства, демократической интеллигенции. Особый колорит книге придают письма вековой и полувековой давности, причем письма не только литераторов (И.С. Тургенев, М.В. Авдеев), но и простых людей, каковыми были крестная писателя, его мать и отец. Это свидетельствует об эпистолярной культуре русского человека конца XIX - начала XX века, к сожалению, утраченной нашими современниками.

Б. Четвериков считает учителя народной школы героической фигурой на рубеже столетий: "Это были труженики, влюбленные в свое дело. <...> Они пришли в деревни, не испугавшись ни

* Исследование осуществлено в рамках программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 гг.)». Мероприятие 2 «Проведение фундаментальных исследований в области естественных, технических и гуманитарных наук. Научно-методическое обеспечение развития инфраструктуры вузовской науки». Регистрационный номер 2.1.3/4109 «Проект «Забывтое и второстепенное в жанре романа XVIII-XX вв.»».

тараканов, ни курных изб с глинобитными печками и волоковыми окнами, ни трахомы и чесотки, ни суеверий, ведьм да колдунов.<...> Они ухитрялись и здесь, в отрезанной от всего мира Чердыни, <...> насыщенно жить, привлекая к себе внимание местного населения, заражая своей одержимостью, изменяя нравы и порядки вокруг себя...". Одним из семидесяти девяти тысяч учителей той России был Дмитрий Никанорович Четвериков, отец будущего писателя.

Семья гимназического учителя вынуждена была кочевать по городам и селам русской земли. "Мои родные места – это пространство от Каспия до Ледовитого океана по линии Урала. Орск и Уральск. Оренбург и Троицк. Ирбит и Пермь. Уфа и Чердынь. Златоуст и Челябинск. Пенза и Бирск". Личные впечатления писателя сплетаются в книге с историческими экскурсами, с описаниями обычаев и нравов жителей, с зарисовками природы этих сказочно богатых мест.

У Четверикова учиться умению любить родную землю, восторгаться ее красотами. Он с детских лет влюблен в привольные уральские края с могучими утесами, щедрыми лесами и быстрыми реками. "Кряж Минисей, погруженный в величавое молчание... Горы Высокая, Благодарь, Магнитная... Так называемый Платиновый пояс... Каменные столбы, фантастические гнейсовые башни... Бешеное кипение реки Щугор...". Но самые вдохновенные строки писатель посвятил русской степи, где он родился: "Степь, степь... Ковыльная. Неоглядная. Она тянется от Дуная, от предгорий Карпат, минуя Черноморье и Каспий, а затем уходит дальше и дальше на восток – мимо Ирбита, мимо Барабинска, мимо Омска и Колывани – вплоть до подошвы Золотого Алтая и Тарбагатая... Здесь неба много, его не заслоняют ни горы, ни леса,<...> здесь и мысли просторные, и глаза привыкают видеть далеко <...> Степь, степь... Знойный полдень. До безумия синее небо. Метелки ковыля, переливающие волнами. И тюльпаны – местные жители называют их таблаками. Не кое-где, нет. Стоят сплошняком, то ярко-желтые, то ярко-красные, превращая степь в поlyingающее пламя, в необъятный цветник. Вот уж кто не гоняется за полутонами и не жалеет палитры! А все вместе взятое – это щедрость, обилие, неистовый восторг".

Любые воспоминания писателя становятся художественной прозой, автобиография – художественным произведением. И, действительно, мемуары Четверикова обладают свойством беллетристики: писатель психологически достоверно изображает переживания живших в прошлом людей – разоренного Никанора Васильевича Четверикова; чувства девочки Саши, потерявшей любимого деда; тоскующего в одиночестве ссыльного М.В.Авдеева. Талант писателя проявляется в умении проникать в психологию не только человека, но и животного. Его наблюдения над птицами, собаками, кошками пронизаны уважением и любовью к "братьям нашим меньшим". Рассказы о собаках вызывают в памяти истории Каштанки, Кусяки, белого пуделя. Юмором пронизан сюжет о коте Мурзе, занимающемся научными наблюдениями и открывшем новую теорию под названием "дыркизм". Когда-то Н.Чернышевский в рецензии на книгу М.Авдеева, деда Четверикова, отметил, что он – великолепный рассказчик, умеет построить сюжет, у него зоркий глаз. Тот же талант повествователя у его внука.

Дар занимательного повествования Б.Четверикова делает чтение его мемуаров увлекательным. Еще более интересно читать книгу потому, что жизнь самого писателя была полна невероятными событиями, встречами с интереснейшими людьми. Б.Четвериков принадлежал к кругу ленинградских писателей, в среде которых культура прозы в те годы была чрезвычайно высокой: здесь работали Ю.Тынянов, Б.Лавренев, В.Каверин, М.Слонимский, О.Форш, В.Шишков, Б.Житков, К.Вагинов... Пребывая в литературной среде не одно десятилетие, писатель со многими был лично знаком (Д.Бурлюк, А.Ахматова, А.Толстой) и даже дружен: с Вс.Ивановым, К.Фединым, М.Зощенко, А.Чапыгиным.

В записях Четверикова хорошо обрисован литературный быт Петрограда 1920-х годов. Даже сегодня, когда столько неизвестных материалов возвращено в историю литературы XX века, не кажутся преувеличением слова писателя: "О 20-30-х годах нашего века мы до сих пор знаем куда меньше правды, чем о прошлых столетиях". Особый интерес (в том числе и научный) представляют воспоминания о забытой литературной группе "Содружество" (1923-1929), одним из создателей которой являлся Б.Четвериков. В литературной жизни Петрограда это писательское объединение играло заметную роль. "Содружники" (А.Чапыгин, М.Козаков, Б.Лавренев,

Вс.Рожественский, Н.Браун, Н.Баршев, Инн.Оксенов, П.Медведев и Б.Четвериков), опираясь на русскую классику, осваивали современность. Они запечатлели ее в бытовом, романтическом, героическом и даже сатирическом ключе.

Примыкая к левому искусству, Четвериков, тем не менее, вовсе не разделял убеждения тех, кто рвал с традициями прошлого, кто придумал "дичайшую, якобы передовую теорию, что все прежнее устарело, отжило свой век и сейчас надо создавать заново р-революционную пролетарскую культуру". Вместе с тем, он активно не принимал творчество Е.Замятина, Л.Лунца, в целом эстетическую позицию "Серапионовых братьев", поэзию Б.Пастернака – Четверикову был свойственна консервативность художественного вкуса. Субъективны его оценки других литераторов, например, М.Горького, М.Зощенко, но на собственное мнение каждый имеет право. К тому же, перед нами не учебник истории советской литературы: "Я рассказываю то, что видел и запомнил, и так, как понял и расценил", – настаивает автор воспоминаний.

Во многом субъективный характер носит в книге оценка истории России в XX веке. "Не было на свете ни одного рассказчика, ни одного свидетеля, ни одного очевидца, который был бы объективен", справедливо замечает писатель. Б.Четвериков был глубоко советским человеком, при том что во многом разочаровался, многое в государственном устройстве категорически не принимал. Самые горькие раздумья о времени, написанные "кровью сердца", заключены в книге "Всего бывало на веку" [2].

За последние 20 лет читатель уже имел немало возможностей познакомиться с "невывузданной прозой" – воспоминаниями об ужасах сталинских тюрем и лагерей. Но и на фоне произведений В.Шаламова, А.Солженицына, Г.Владимова, Е.Гинзбург и других книга Б.Четверикова производит сильное впечатление, хотя в ней нет истязаний и бесчеловечных пыток. Четвериков пишет свои воспоминания на большой дистанции и не хочет "нагнетать ужасы" и рассказывать о своих страданиях, которых и на его долю выпало немало (чего стоит одно лишь упоминание о том, как во время допросов ему ломали пальцы на ногах!). Более того, он облекает свой невеселый рассказ в полушутливую форму, называя его "лагерным Декамероном". Часто ли встретишь человека, которого загоняли в тюрьму, невероятно мучили и который вообще прожил нешуточную жизнь, но свои одиннадцать страшных лет "вне литературы и вне жизни" назвал бы "творческой командировкой в преисподнюю"?

Автор, взойдя на свою Голгофу, сохранил неунывающий характер, не растерял жадное любопытство к людям и к жизни во всех ее проявлениях, даже уродливых. В своей книге Четвериков больше предстает наблюдателем, нежели жертвой: "Я сам сидел в тюрьме, а жалел других несчастных". Его прежде всего интересуют человеческие характеры и особенно "что получается из них при **особых** обстоятельствах" (курсив мой. - А.Р.) [2, с.111]. Может получиться бесстрастный инквизитор Кулаков или другая разновидность нечеловека – надзиратель Капустин, сдающий дочь "на часок" за бутылку водки... В этой преисподней люди, чьими руками осуществлялось истребление народа, шаг за шагом теряли человеческий облик. От природы пронизательный, Б.Четвериков видел, что не только "зе-ка", но и всем, кто попал в эту бездушную, разрушающую моральные преграды машину, невесело жилось в гигантской державе ГУЛАГа. "В лагерь было жутко внутри пространства, окруженного стенами, колючей проволокой и рвами, жутко было и по ту сторону колючей проволоки. Страшный мир" [2, с.98].

Писатель изобразил в своей книге ту сторону лагерного существования, которая менее освещена другими мемуаристами. Он сосредоточил внимание на уголовниках, от которых жизнь политзаключенных зависела не меньше, чем от лагерного начальства. Отдельные страницы, посвященные воровскому миру, производят жутковатое впечатление (например, история с "заигранным"), но чаще всего написаны они с юмором и даже с некоторой гордостью оттого, что "сумел стяжать популярность" среди "блатных".

И все же центральное место в воспоминаниях занимает самораскрывающаяся личность автора. Она не была раздавлена в этом кошмаре, хотя и получила удары страшной силы. Может быть, сказалось то, что в годы войны Б.Д. Четвериков был блокадником, а это "что-то совсем особенное, с какой-то пленкой, защищающей от смертельной боли и неизмеримого

отчаяния". Но спасало не только умение не быть оглушенным, не только неутомимая деятельность, а еще и крепкий нравственный стержень, не позволяющий сгибаться в самой мрачной и безнадежной ситуации. И рассказ писателя убеждает, что очень многое в любых обстоятельствах зависит от самого человека.

Умудренный опытом писатель задается мучительным вопросом: в чем причина того, что в русском человеке повергнуты в прах такие исконные черты, как честь, благородство, доброта, милосердие, а процветают "отвычка" от труда, алкоголизм, вещизм? Вглядываясь в прошлое, Б. Четвериков с грустью замечает: "Давно уже идет работа не только по истреблению, искоренению, но и по растлению нашего народа, и она дает свои печальные плоды". Именно в годы заключения автор познал жизнь "до дна", наивные иллюзии его рассеялись, сменившись ужасом от осознания всеобщего безумия. В этой фантастической действительности все перевернулось с ног на голову: конвоир, от тоски убивший "зе-ка", получает отпуск и вознаграждение; тюремное начальство сотрудничает с королем преступного мира. На таком фоне история о том, как тюремные надзиратели пропили чужие деньги, кажется безобидной.

Воспоминания несут в себе раздвоенность сознания писателя, горячо любящего свой народ и испытывающего чувство боли, обиды и стыда за нацию. В жизни общества 1960-70-х годов он также замечает немало такого, что порождает горечь и боль за народ, которому "испокон веку незаслуженно плохо живется" и который "дороговато платит за право быть" [2, с. 113]. Многие размышления автора и сегодня звучат актуально: о равнодушии к человеку, об угрозе вырождения нации, о варварском отношении к природе. В книге предельно раскрывается личность Б. Четверикова – человека высокой нравственности.

Свободная, раскованная форма повествования, позволившая включить в текст книги собственные стихи, отрывки из художественной прозы, исторические исследования, публицистические отступления, лирические миниатюры, придает мемуарам Четверикова самобытный характер: "это и воспоминания, и дневник, и завещание". Здесь, как нигде, автор пишет именно о себе – "и на полной распахнутости души".

Остается только сожалеть, что подготовленная к публикации книга так пока и не увидела свет. Посвящаю эту статью светлой памяти Натальи Борисовны Четвериковой, замечательного друга и жены писателя, которая проделала колоссальную работу по подготовке текста к изданию.

Литература

1. Цитаты приводятся по рукописи из архива Н.Б. Четвериковой.
2. Четвериков Б. Всего бывало на веку. Л., 1991.